

*А. И. Розенцвайг***ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЦЕРКОВНОМ ПРАВЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В.**

© **Розенцвайг Анна Игоревна** (lawyeranna@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием: вопросы истории, теории, практики». Автор более 30 научных работ, в том числе монографии «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием: вопросы истории, теории, практики» (2013).

Область научных интересов: международное право, международное уголовное право.

АННОТАЦИЯ

В статье ставится проблема выявления коррупционных правонарушений в церковном праве Московского государства XVI века на примере разбора узкой и широкой трактовки понятия симонии.

Показано, что церковное право действовало по принципу аналогии, возводя регулирование коррупционных правонарушений, связанных с взиманием незаконных поборов, к соответствующим правовым институтам, известным в подсистеме светского права. В целом Церковь была заинтересована в легализации незаконных поборов, что осуществлялось двумя путями: 1) через формализацию права и узаконивание ранее неформальных поборов; 2) через превращение неформальных поборов в правовой обычай и представление этих поборов в качестве добровольных «подарков». Вторым путем являлся более архаичным, и, видимо, в условиях московского права XVI века получил преобладание первый способ.

По итогам рассмотрения источников церковного права видится безосновательной трактовка коррупции в системе церковного права как единичного субъективного греха. Напротив, коррупционные правонарушения следует изучать как системную проблему церковного права, которая не носит субъективного характера и не связана с греховностью отдельных личностей.

Подчеркиваются своеобразие церковного права, порожденная им двойственность в трактовке симонии, предлагается объяснение живучести этого института в церковном праве московского периода.

Ключевые слова: московское право, церковное право, симония, Владимирский собор 1273 (1274) года.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Розенцвайг А. И. Проблема выявления коррупционных правонарушений в церковном праве Московского государства XVI в. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-20-25>.

A. I. Rozentsvaig

PROBLEM OF IDENTIFICATION OF CORRUPTION OFFENCES IN ECCLESIASTICAL LAW OF THE MOSCOW STATE OF THE 16TH CENTURY

© **Rozentsvaig Anna Igorevna (lawyeranna@mail.ru)**, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Crimes against property, committed with lie and abuse of trust: issues of history, theory and practice». Author of more than 30 scientific works, including monographs: «Crimes against property, committed with lie and abuse of trust: issues of history, theory and practice» (2013).

Research interests: international law, international criminal law.

ABSTRACT

In article the problem of identification of corruption offenses in the ecclesiastical law of the Moscow state of the 16th century on the example of analysis of narrow and broad interpretations of a concept of simony is put.

It is shown that church law acted on the principle of analogy, building the regulation of corruption offences related to the collection of illegal fees to the corresponding legal institutions known in the subsystem of secular law. In general, the Church was interested in legalizing illegal fees, which was carried out in two ways: 1) through the formalization of law and the legitimization of previously informal fees; 2) by turning informal fees into a legal custom and presenting those fees as voluntary «gifts». The second way was more archaic and, apparently, in the conditions of Moscow law of the 16th century the first way was dominated.

As a result of the consideration of the sources of church law, the interpretation of corruption in the system of church law as a single subjective sin is seen as baseless. On the contrary, corruption offences should be studied as a systemic problem of church law, which is not subjective and is not related to the sinfulness of individuals.

The originality of ecclesiastical law, the duality generated by it in interpretation of simony is emphasized, the explanation of survivability of this institute in ecclesiastical law of the Moscow period is offered.

Key words: Moscow law, ecclesiastical law, simony, Vladimirsky Council of 1273 (1274).

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Rozentsvaig A. I. *Problema vyyavleniya korruptsionnykh pravonarushenii v tserkovnom prave Moskovskogo gosudarstva XVI v.* [Problem of identification of corruption offences in ecclesiastical law of the Moscow state of the 16th century]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-20-25> [in Russian].

В рамках отечественной правовой традиции в XVI веке была предпринята попытка проведения унификации разрозненных правовых норм на основе определенного набора базовых идей, принципов, которые должны были структурировать и задать импульс для систематизации как норм светского, так и норм церковного права. Базовые идеи, из которых исходило правительство Ивана IV и которые были положены в основу систематизации московского права, предполагали несколько направлений государственной политики и достижение соответствующих целей, среди них особое место занимает то направление, которое с позиций современной юридической науки можно обозначить как антикоррупционная политика.

Применительно к сфере светского права в историко-юридической и отраслевой юридической литературе уже предпринимались попытки выяв-

ления и анализа отдельных составов преступных деяний коррупционной направленности [1; 2; 3, с. 79–82; 4, с. 305–310; 5, с. 12–15]. В сфере церковного права периода Московского государства XV–XVI вв. такие попытки только начинают предприниматься и до сих пор не существует научно разработанной системы коррупционных правонарушений в церковном праве Московского периода. Более того, в современной историко-юридической науке нередко ставится вопрос о необходимости выделения церковной ответственности как особого вида юридической ответственности, в связи с чем признается своеобразие всей системы церковных правонарушений и наказаний [6, с. 94–97].

Здесь важно заметить, что церковное право традиционно для отечественной историко-правовой науки недооценивается или совсем упускается из виду. Между тем церковное право представля-

ет собой одну из важнейших подсистем правовой системы Московского государства, разделенной на две сферы правового регулирования – светскую и церковную. В условиях формирования единого централизованного государства огромное значение имели процессы унификации системы управления и правового регулирования общественных отношений, и в этом отношении в сфере церковного права мы можем наблюдать те же тенденции, те же новации, что и в сфере светского права, но при этом они обладают некоторой спецификой, выявление которой позволяет составить более точное представление об особенностях правовой системы Московского государства в целом.

Одним из важнейших направлений государственной политики в XVI в. являлась выработка возможных мер по ограничению властного произвола, в том числе той группы деяний, которые в современной терминологии можно было бы объединить терминологической конструкцией «коррупционные правонарушения». В Московском государстве середины XVI в. именно эта группа правонарушений рассматривалась в качестве одной из наиболее серьезных угроз общественному порядку [5, с. 12–15]. В связи с этим в Судебнике 1550 г. и в других современных ему законодательных актах появляется целый ряд норм, направленных на создание условий для ограничения произвола административно-судебного аппарата и более эффективного противодействия коррупционной деятельности. Общественные отношения, находившиеся в сфере ответственности церковного управления и суда, испытывали воздействие тех же негативных явлений, что и в сфере светского управления.

Попытка рассмотреть систему правонарушений, известных церковному праву средневековой Руси, с точки зрения выявления возможных деяний коррупционной направленности сразу же дает некоторые результаты, причем в центре этой группы преступных деяний будет находиться симония. О значении симонии в церковной жизни удачно и образно сказал П. И. Гайденко: «Можно вполне уверенно говорить о том, что уже в эпоху высокого и позднего Средневековья симония стала важнейшим механизмом вхождения человека в круг церковной иерархии и восхождения по ступеням ее служебной лестницы» [7, с. 85].

Присущие раннему христианству идеи равенства и нестяжательства были естественным образом утрачены по мере превращения христианства в идеологическое оружие обеспечения господства правящего класса. Более того, внутри самой церковной корпорации все дальше заходило имущественное расслоение, в число монашествующих лиц вступали представители привилегированных сословий, а занятие определенного места в церковной иерархии должно было обеспечить поступление соответствующего дохода этому лицу, – аналогично светской иерархии. Важно понимать, что сам по себе этот принцип – обеспечение «кормления» духовного лица за счет нахождения на определенной ступени церковной иерархии – не подвергался сомнению и был вполне органичен средневековому правосознанию. Более одиозным являлось взима-

ние «незаконных» поборов, в первую очередь при поставлении на соответствующую ступеньку церковной иерархии или в сан священника.

Косвенно о распространении практики разнообразных подарков в церковной среде говорят и другие институты. Например, в рамках вопросов и ответов Стоглавого собора поднималась проблема организации церковных училищ, при этом дело обучения грамоте отдавалось в руки священников, а сама организация этого обучения носила подчеркнуто частнопредметный характер – в домах священников, по оплате родители учеников договаривались со священниками, при этом 26-я глава Стоглава дает основания полагать, что плата не была фиксированной и вполне могла на бытовом уровне смешиваться с подарками [8, с. 291].

Институт симонии неоднократно оказывался в центре ожесточенных диспутов церковных иерархов как в отечественной правовой традиции, так и в других правовых системах. В одном из немногочисленных памятников права XIII века, сохранивших решения церковных соборов, содержится достаточно четкое определение симонии, которое составители памятника вложили в уста митрополита Кирилла II: «Приде бо в слухы наша, яко неции от братия наша дерзнуша продати священный сан, и причитати я к церквам, и взимати от них некия «оуроки» глаголемыя» [9, ст. 86].

Некоторые исследователи полагают, что дискуссия о симонии была настолько актуальна и важна для тогдашней церковной жизни, что именно этот вопрос был важнейшим на Владимирском соборе, тогда как остальные пункты носили второстепенный характер [10, с. 176]. Как видно из приведенной цитаты, под симонией здесь понимается продажа церковного сана, осуществляемая, соответственно, святителем. Однако в исследовательской литературе справедливо указывается, что перечень «нестроений» в тогдашней церковной жизни был значительно большим: незаконные поборы взимались за архиерейскую и священнические хиротонии, за монашеский постриг, за архиерейские службы, практиковались подношения за переход от одних духовников к другим, назначались дополнительные поборы в пользу епископских кафедр [11, с. 232].

Показательно, что озвученная митрополитом проблема, которая, по-видимому, являлась центральным вопросом повестки собора, так и не была решена, поскольку, как указывают исследователи, в решениях того же собора формальное осуждение симонии находится в остром противоречии с утверждением платы за посвящение в диаконы и священники, то есть фактически той же самой симонии [12, с. 154–161; 13, с. 116–118].

Поэтому неудивительно, что памятники церковного права московского периода содержат очередные дискуссии о симонии и очередные ее запреты. В частности, собор 1503 года вновь осудил поставление «на мзде», отдельно оговорив запрет «всякого дара» при поставлении на церковную должность [14, с. 484–485]. За этой расширительной оговоркой можно предположительно увидеть практику замаскировать покупку церковного сана другими «подарками». И здесь естественным образом приходит на

ум сравнение с другим институтом, хорошо известным по источникам светского права – «посулом». В отношении посула мы имеем дело с давней дискуссией в исследовательской литературе, при этом одни авторы рассматривают его как взятку должностному лицу, другие – как допускаемые правовым обычаем подарки должностному лицу, долгое время не подлежавшие осуждению ни со стороны общества, ни со стороны закона. Принимая вторую точку зрения, можно гипотетически предположить параллельные тенденции в светском и церковном праве. В светском праве подарки должностному лицу, осуществлявшему судебные функции, долгое время являлись допустимыми с точки зрения обычной явлением, но в связи со становлением централизованного государства и формализацией права переходят в разряд недопустимых, а в законодательстве начинают рассматриваться в качестве наказуемых деяний (эта тенденция отражается и в Псковской Судной грамоте, а затем и в московских судебныхниках). В это же время в церковном праве под действием той же тенденции формализации права и унификации принципов правового регулирования в светской и церковной сфере ужесточается подход к трактовке традиционных «подарков» иерархам за поставление в церковный сан, которые все чаще предлагаются рассматривать в качестве преступлений.

Судя по правоприменительной практике, искоренить симонию не удалось, хотя сам запрет мог использоваться в политической борьбе иерархов, в частности, в 1504 году обвинения в поставлении священников «на мзде» привели к смещению архиепископа новгородского Геннадия с кафедры [15, с. 258]. Нарративные источники также показывают, что проявления симонии на Руси увязывались с действиями епископата, а не приходского духовенства [7, с. 92]. Хотя в Стоглаве, в целом весьма негативно настроенном по отношению к новгородским обычаям, содержится ряд весьма интересных замечаний относительно взимания поборов не только со священников, но и самими священниками, принимавшими на службу проскурниц, пономарей и сторожей в обмен на «подарки» [8, с. 306].

Однако в середине XVI столетия Стоглав, перечисляя основания для лишения духовного сана в рамках 34-й главы, ничего не говорит о симонии в широком смысле, т. е. о взимании «подарков» [8, с. 297]. В отношениях священников с прихожанами подарки, никак не урегулированные церковными правилами, играли значительную роль, но Стоглав их «не замечает». Можно предположить, что составители Стоглава не хотели видеть в этой практике проявления симонии или шире – вообще коррупционного поведения, ограничиваясь узким пониманием симонии как продажи церковного сана, в чем обвинить священника а priori невозможно.

Позже в составе вторых царских вопросов вновь был поднят вопрос о поставлении на мзде (глава 41, вопрос 4). Уже в дореволюционной литературе справедливо было замечено, что заинтересовано в такой постановке вопроса было белое духовенство, которое больше всего страдало от практики поставления в духовный сан через взимание незаконных поборов [16, с. 70]. В рамках концепции данной статьи это как раз узкая трактовка симонии, которая, как это оче-

видно из правоприменительной практики, являлась наиболее удобной для церковной корпорации.

Любопытно, что симония чаще всего рассматривалась как внутрицерковная проблема, но при широком обсуждении на Соборе 1551 г., носившем церковно-земский характер, в некоторых статьях эта же проблема была поставлена в более широком смысле, соединяя церковную и светскую сферы правового регулирования. Естественнее всего это было сделать на примере новгородских порядков, где вмешательство светских корпораций в дела Церкви было наибольшим. В контексте рассматриваемой темы представляет интерес указание в Стоглаве на практику взимания с приходского духовенства не только епископами, но и уличанскими общинами (нужно здесь вспомнить, что в Новгородской земле существовала практика приглашения священников в приход по договору с общиной, в связи с чем поставление епископом приобретало формальный и второстепенный характер), при этом озвучивались конкретные цифры поборов за поставление – от 15 до 30 рублей [8, с. 306].

Немного позже в том же Стоглаве замечательно раскрывается глубинная суть «поставления на мзде» как коррупционного деяния, нарушающего общественный интерес, напрямую наносящего вред той общественно полезной функции, которую должен был выполнять «поставляемый». Указывая на практику взимания взятки за поставление приходских священников псковскими церковными должностными лицами, составители Стоглава подчеркивали, что при этом не принимается во внимание грамотность и другие качества, которые должны быть свойственны кандидату в священники, главный интерес взяткополучателей – «кто им больши денег даст» [8, с. 307].

Соответственно, в Стоглаве проблемный и болезненный для церковной корпорации в целом и особенно для приходского духовенства вопрос был решен в пользу формализации правовых установлений и фиксации точных «расценок» на поставление. В частности, поставление в дьяконы или священники сопровождалось пошлиной в полтину, в дьяконы и священники – в один московский рубль, выдача отпускной или благословенной грамоты – полтина, выдача настольной грамоты – один рубль [8, с. 303]. При этом составители Стоглава все-таки оговаривают, что необходимо выбирать кандидатов на церковные должности по их грамотности и нравственным качествам, но это положение носит рекомендательный характер, никак не будучи подкрепленным возможными санкциями за нарушение [8, с. 306].

Двойственность подхода, проявившегося в решениях Стоглава, видна и в решении вопроса о взимании поборов при совершении церковных обрядов. Составители Стоглава указали, что священники вполне могут рассчитывать на добровольные дары, ссылаясь при этом на параллели в светском обществе – на соответствующее вознаграждение за труд земледельца или воина: «... вси бо дают и богатые и убогие и нищие своего ради спасения, священники же и пищу и прочая потребы от сих себе имеют, якоже и земледелатели от плода вкушают труда своего и якоже воины воинствующей

оброки своими довлеются...» [8, с. 316]. Что показательно, при этом составители Стоглава формально выступают против вымогательства поборов при совершении церковных обрядов.

Схожим образом был урегулирован и вопрос о взимании платы за выделение участка земли под погребение около церкви. С одной стороны, запрещалось вымогать какие-либо поборы в связи с этим, но, с другой стороны, подчеркивалось, что родственники при наличии доброй воли могут сами передать Церкви какое-то имущество в благодарность за выделенный для погребения участок земли [8, с. 318]. То есть происходил своеобразный возврат к той самой практике правовых обычаев «даров» церковным корпорациям и конкретным духовным лицам, которые, по своей сути, являлись проявлениями коррупции.

Еще один вариант обоснования и институционализации правовых обычаев, связанных с коррупцией, мы видим в решении вопроса о вечах пошлинах. Здесь составители Стоглава обращаются к обоснованию через традицию, ссылаясь на древность происхождения этого побора, в связи с чем и сам он получает легитимность [8, с. 318].

Рассмотренные правовые установления, касающиеся симонии, заставляют усомниться в трактовке коррупционных правонарушений в сфере церковного права, которые нередко сводят их к понятию греха. В современной юридической литературе нередко предлагается понимание коррупции в системе церковного права как единичного субъективного греха, не носящего системного характера: «...понятие коррупции в своем теологическом понимании полностью укладывалось в концепцию греха, позволявшую сосредоточить ответственность на самом грешнике, т. е. субъекте, отступившем от первоначально установленной истины» [4, с. 307]. Анализ правового регулирования симонии указывает на восприятие этой конкретно-исторической формы коррупционных правонарушений как системной проблемы, которая не носит субъективного характера и не связана с греховностью отдельных личностей.

Возможны расширительные трактовки понятия «симония». В частности, по мнению П. И. Гайденко, в широком смысле под симонией понимались «любые принудительные платы за приобщение человека к благодатным дарам, получаемым в Церкви (причащение, благословение и иные службы)» [7, с. 86]. В узком же смысле под симонией могло пониматься непосредственно то деяние, которое приписывалось в Деяниях апостолов Симону Волхву (Деяния апостолов, глава 8), и в этом отношении симония является попыткой получить особые возможности («дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руку, получал Духа Святаго») или, как определяет это узкое толкование П. И. Гайденко, «получение харизматических способностей» [7, с. 86].

В этом разграничении узкого и широкого толкования понятия «симония», которое провел П. И. Гайденко, видится основание для понимания того двойственного отношения к данному правонарушению, которое демонстрируют памятники церковного права. В связи со спецификой церковной иерархии, которая выполняла сакральные (во внешнем отношении – литурги-

ческие) и социальные функции, в действиях, которые формально подпадали под определение симонии, можно было усмотреть ту же двойственность. Если в этих действиях видеть сакральное содержание, то актуализировалась узкая трактовка симонии, но для значительной части духовенства получение сана означало прежде всего возможность получения прихода и соответствующего места, с которого можно было кормиться. В этом социальном аспекте более актуальной являлась широкая трактовка симонии. Здесь же коренятся и живучесть этого правового института, основания безуспешности борьбы с ним в течение всего московского периода.

Библиографический список

1. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые проблемы. Нижнекамск: Изд.-полигр. центр «Гузель», 1995. 172 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781359>.
2. Марьина Е. В. Об объекте и субъекте коррупционного правонарушения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 289–293. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15256561>.
3. Детков М. Г., Шохин Н. Н. История развития уголовной ответственности за коррупцию в Российском государстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 2. С. 79–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10027907>.
4. Дворецкий М. Ю. История развития и направления оптимизации уголовной ответственности за коррупцию // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1 (81). С. 305–310. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-napravleniya-optimizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-korruptsiyu>.
5. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.
6. Лунин С. В. Проблема выявления церковной ответственности по Стоглаву // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109). С. 94–97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29848844>.
7. Гайденко П. И. Симония: дары или покупка? О некоторых особенностях каноническо-правового сознания Древней Руси // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 85–100. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10132.
8. Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 253–402. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav>.
9. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. Ст. 83–102. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book428108/#page/1/mode/lup>.
10. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. 582 с. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=47393816>.
11. Гайденко П. И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229–239. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22805542>.

12. Оспенников Ю. В. Соборные приговоры как источник русского права (XI–XVI вв.) // Право и образование. 2012. № 5. С. 154–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17705786>.

13. Лунин С. В. О преемственности Стоглава и Владимирского собора 1273 (1274) г. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 4 (119). С. 116–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34858374>.

14. Соборное определение о невзимании со священнослужителей мзды за хиротонию 1503 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 382. С. 484–485. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9536>.

15. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. 266 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808>.

16. Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909. 320 с.

References

1. Kabanov P. A. *Korrupsiya i vzyatochnichestvo v Rossii: istoricheskie, kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy* [Corruption and bribery in Russia: historical, criminological and criminal problems]. Nizhnekamsk: Izd.-poligr. tsentr «Guzel'», 1995. 172 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781359> [in Russian].

2. Maryina Ye. V. Ob ob'ekte i sub'ekte korrupsionnogo pravonarusheniya [About the object and the subject of a corruption offence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 1 (12), pp. 289–293. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15256561> [in Russian].

3. Detkov M. G., Shohin N. N. *Istoriya razvitiya ugovolnoi otvetstvennosti za korrupsiyu v Rossiiskom gosudarstve* [The history of development of the criminal liability for corruption in the Russian state]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2007, no. 2, pp. 79–82. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10027907> [in Russian].

4. Dvoretzky M. Yu. *Istoriya razvitiya i napravleniya optimizatsii ugovolnoi otvetstvennosti za korrupsiyu* [History of development and direction of optimization of the criminal liability for corruption]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2010, no. 1 (81), pp. 305–310. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-napravleniya-optimizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-korrupsiyu> [in Russian].

5. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korrupsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On a variety of forms of corruption offenses in Moscow state of the 16th century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

6. Lunin S. V. *Problema vyyavleniya tserkovnoi otvetstvennosti po Stoglavu* [Problem of identification of church responsibility according to Stoglav]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2017, no. 6 (109), pp. 94–97. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29848844> [in Russian].

7. Gaidenko P. I. *Simoniya: dary ili pokupka? O nekotorykh osobennostyakh kanonicheskopravovogo soznaniya Drevnei Rusi* [Simony: Gifts or Purchase? On some Features of the Canonical-Legal Consciousness of Ancient Rus']. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2018, no. 6, pp. 85–100. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10132 [in Russian].

8. *Stoglav* [Stoglav]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, pp. 253–402. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav> [in Russian].

9. *Opreddeniya Vladimirskogo sobora, izlozhennyye v gramote mitropolita Kirilla II* [Definitions of Vladimirsky Council stated in the charter of the metropolitan Kirill II]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. T. VI* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. Vol. VI]. SPb., 1880, pp. 83–102. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book428108/#page/1/mode/lup> [in Russian].

10. Sokolov P. P. *Russkii arkhierei iz Vizantii i pravo ego naznacheniya do nachala XV v.* [Russian bishop from Byzantium and the right of its appointment prior to the beginning of the 15th century]. Kiev, 1913, 582 p. Available at: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=47393816> [in Russian].

11. Gaydenko P.I. *Sobor 1273(4) goda v svete tserkovno-politicheskoi situatsii na Rusi: neskol'ko zamechaniy o nesostoyavsheisya kanonicheskoi reforme mitropolita Kirilla* [Cathedral 1273 (4) of in the light of a church and political situation in Russia: some remarks on cancelled initial reform of the metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Herald of the Russian Christian Academy for humanities], 2014, Vol. 15, Issue 4, pp. 229–239. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22805542> [in Russian].

12. Ospennikov Yu. V. *Sobornye prigovory kak istochnik russkogo prava (XI–XVI vv.)* [Decisions of church councils as source of the Russian law (XI–XVI centuries)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2012, no. 5, pp. 154–161. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17705786> [in Russian].

13. Lunin S. V. *O preemstvennosti Stoglava i Vladimirskogo sobora 1273 (1274) g.* [On the succession of Stoglav and St. Volodymyr's Cathedral in 1273 (1274)]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2018, no. 4 (119), pp. 116–118. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34858374> [in Russian].

14. *Sobornoe opredelenie o nevzimanii so svyashchennosluzhitelei mzdy za khirononiyu 1503 g.* [Cathedral ruling on non-collection from clergy of the bribe for consecration 1503]. In: *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi komissiei imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Commission of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1836, Vol. 1, no. 382, pp. 484–485. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9536> [in Russian].

15. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 12* [Full collection of Russian chronicles. Vol. 12]. SPb., 1901, 266 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808> [in Russian].

16. Stefanovich D. *O Stoglave. Ego proiskhozhdenie, redaktsii i sostav. K istorii pamyatnikov drevnerusskogo tserkovnogo prava* [About Stoglav. Its origins, editions and composition. On the history of monuments of Ancient Russian church law]. SPb., 1909, 320 p. [in Russian].